

Анта Зимник

Кольцо Тайаха

Анта ЗИМНИК
Кольцо Тайаха

«Автор»

2026

Зимник А.

Кольцо Тайаха / А. Зимник — «Автор», 2026

Геолог Алина Капчигашева получает грант на исследование горного массива Улуг-Хыз в Хакасии. Для неё это не просто работа: десять лет назад в этих горах бесследно исчез её дед, опытный спелеолог. Алина надеется найти ответы — но вместо этого находит древнее проклятие. Сначала приходят сны: жёлтые глаза во тьме, чужой голос, кольцо со змеиной головой, которое впивается в палец. Метка оказывается не сном — она открывает дверь в мир, где правят не люди, а духи гор и подземных вод. В лабиринтах Улуг-Хыз Алина встречает Тайаха — Хранителя с изумрудными глазами, который тысячелетия сторожит своего безумного брата Алып-Чилана. Тот, пробуждённый жадностью людей, готов уничтожить всё живое. Алина оказывается в центре древней вражды: её кровь помечена, её нерождённый ребёнок — желанная добыча для зла, а её сердце уже не принадлежит ей одной.

© Зимник А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тетрадь Улуг-Хыз	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Анта Зимник Кольцо Тайаха

Кольцо Тайаха
Анта Зимник

СОДЕРЖАНИЕ:

Глава 1. Тетрадь Улуг-Хыз

Глава 2. Смех горы

Глава 3. Тойон

Глава 4. Возвращение в Хакасию

Глава 5. Тайна бабушки Каны

Глава 6. Шаман

Глава 7. Два брата

Глава 8. Владыка и травница

Глава 9. Решение

Глава 10. Пасть пещеры

Глава 11. Человек у огня

Глава 12. Тишина

Глава 13. Песня Тайаха

Глава 14. Чертоги Памяти

Глава 15. Чужой голос

Глава 16. Два дара

Глава 17. Сердце Улуг-Чилана

Глава 18. Подозрения Тойона

Глава 19. Ловушка Алып-Чилана

Глава 20. Кокон

Глава 21. Пробуждение зла

Глава 22. Битва братьев

Глава 23. Голос отца

Глава 24. Человеческая кожа

Эпилог

Глава 1. Тетрадь Улуг-Хыз

Колёса скорого поезда «Новосибирск — Абакан» стучали по рельсам ровно, отсчитывая километры уже на протяжении шести часов. Плацкартный вагон, набитый усталыми пассажирами, жил своей жизнью: в полумраке покачивались сетки для багажа, подрагивали алюминиевые ложки в стаканах, и всё это, вместе с редкими вздохами, кашлем, храпом и скрипом старых полок, складывалось в одну странную, вязкую мелодию.

Снаружи ночь прижималась к окнам чёрной мордой. Иногда её разрывали на миг тусклые огни полустанков, и тогда по вагону скользили полосы желтоватого света, ложились на лица спящих. Внутри пахло горячим металлом, пылью и табаком. От окон тянуло прохладой.

Напротив, у самого стекла, сидела девушка.

В ее руках была кружка с остывшим чаем, а на откидном столике лежала раскрытая старая тетрадь в потёртом кожаном переплёте — с растрескавшимися сгибами и выцветшими чернилами. Исписана она была угловатой рукой её деда. Десять лет назад он исчез в ущелье горы Улуг-Хыз.

Девушку звали Алина.

Она смотрела в окно. Бледное круглое лицо, усыпанное веснушками, осунулось от бессонницы, только глаза остались прежними — тёмные, пытливые, слишком внимательные, как у человека, привыкшего замечать то, что другие стараются не видеть.

Свою историю она знала обрывками, как знают о чужом грехе: русская мать, будучи ещё несовершеннолетней девчонкой, родила её от хакаса и почти сразу отказалась, оставив в родильном доме. Просто исчезла из её жизни без объяснений. Но судьба, которая так легко

отнимает, иногда вдруг делает странный, почти невозможный подарок. За девочкой пришли Кана и Сергей — родители её отца.

Они забрали её к себе так, будто возвращали домой то, что не имели права потерять. Именно здесь Алина узнала, что любовь может быть тихой, без лишних слов, но крепче любого родства на бумаге.

Бабушка Кана пахла дымом, шерстью и сушёными травами. Вечерами, когда за окнами темнели деревья, а по стеклу ползли морозные узоры, она рассказывала внучке сказки: о древних духах, что живут в горах и не терпят беспамьяства и о пещерах, которые дышат как живые люди.

Маленькая Алина слушала эти слова, затаив дыхание, а потом приходил дед Сергей и, будто продолжая бабушкины рассказы, брал её с собой в горы.

Он учил не бояться тишины в пещерах, различать породу на ощупь, слышать подземную воду по едва уловимому эху.

— Слушай гору, — говорил он.

— Она живая? — спрашивала маленькая Алина.

Дед долго смотрел на неё, потом отвечал:

— Живее нас.

Тогда она думала, что это красивая метафора. Позже — что профессиональная причуда опытного спелеолога и геолога. А потом Сергей исчез в Улуг-Хызе, и эти слова перестали быть метафорой.

Любовь к подземному миру пришла к ней сначала как детское увлечение, а потом стала ремеслом всей жизни и тропой к деду.

И теперь эти горы снова звали её к себе.

Всё началось с письма из Комитета по научным грантам: проект Капчигашевой Алины Сергеевны получил полное финансирование для исследования карстовой системы ранее неизвестного горного массива Улуг-Хыз.

Она прочла его в своём кабинете на факультете геологии НГУ. Первые часы после письма она жила как в лихорадке. Дел было слишком много, чтобы позволить себе сомнения: сопоставление старых записей дедушки с новыми спутниковыми снимками, картографические данные. Алина работала до рассвета, перечитывала тетрадь, делала выписки, снова возвращалась к картам, спорила сама с собой, засыпала на рассвете прямо за столом.

Это был не просто грант и не профессиональный успех, а возможность вернуться туда, откуда тянулась нить всей её жизни. На землю, которая, возможно, когда-то уже взяла с её семьи свою плату — и теперь ждала остальное.

Но сон не приносил отдыха. Он приносил желтые, пугающие глаза, которые возникали в кромешной тьме как два неподвижных огня. Слишком разумные для животного и слишком безжизненные для человека.

Она никому ничего не сказала. Смешно было бы: кандидат геолого-минералогических наук, привыкшая мыслить строго и доказательно, боится собственных снов. Потом Алина объясняла всё стрессом и перенапряжением.

— С тобой всё в порядке? Ты побледнела, — спросил Антон Макаров, не отрываясь сразу от своих расчётов.

Она не ответила. Потому что не знала, как это объяснить.

Глаза опустились на тетрадь, бегали по каждой строке как юркие маленькие мыши. На одной из страниц, между заметками о карстовых полостях и примерных координатах, дед торопливо вывел фразу, которую она перечитывала уже сотню раз и всякий раз чувствовала холод по спине:

«Входов больше, чем кажется. Не все ведут обратно».

Где-то в глубине памяти всплыл голос бабушки Каны — негромкий, хрипловатый: «Если гора однажды узнала твоё имя, ты всё равно к ней вернёшься. Даже если будешь думать, что идёшь по своей воле».

Поезд мчался сквозь ночь, вагон дремал. А за окнами, за чёрными складками дальних холмов уже лежала Хакасия — земля сухих ветров, камня и древних гор.

Мысли Алины путались как клубок нитей. Голова сама собой прислонилась к стеклу, она закрыла глаза, будто сдаваясь этому холоду.

Сон подбирался к ней медленно, веки тяжело опустились. И Алина снова провалилась туда, где в темноте уже горели жёлтые глаза.

Глава 2. Смех горы

Провал.

Сначала — тишина, которая поглощала стук колёс, шелест страниц, звук собственного дыхания. Был только пульс в висках — глухой, как удары отбойного молотка.

Она стоит на краю бездны. Внизу — густая тьма. Пещера раскрывала перед ней свою огромную пасть. Камень под её ногами был неровный, скользкий от влаги, которая просачивалась сквозь трещины.

Внезапно в темноте появились золотистые огоньки, похожие на две маленькие луны.

«Алина...» — шепнул голос, похожий на потрескивание пергамента.

Перед ней появилась фигура, которую она узнала бы среди миллионов. Лицо дела было размыто, как старая фотография. Два медных глаза горели в темноте, свет, исходивший от них, был ровным. В их глубине Алина увидела отражение: себя, маленькую, с рыжими косичками, бегущую за дедом в лес.

— Дедушка? — попыталась спросить она, но голос застрял где-то в горле.

Фигура не ответила. Вместо этого она повернулась боком, и Алина увидела, что его силуэт был слишком тонким для человека; из тени выступила черная рука — она была покрыта чешуёй, серповидными когтями, которые светились в полумраке подземелья, как старинная латушь.

В когтистых пальцах незнакомца блеснуло кольцо. Оно было похоже на спираль с головой не то ящерицы, не то змеи. Обдавая то жаром, то холодом руку новой хозяйки, оно впилося в кожу, и в этот миг Алине явилось видение: дедушка здесь же, на краю, надевает такое же кольцо.

Девушка с ужасом почувствовала, как змеиная спираль начинает сжиматься, вращаясь прямо в плоть. От кольца вверх по руке, под кожей, поползли пульсирующие чёрные нити, словно ядовитые корни неведомого растения.

Она дёрнулась, пытаясь сорвать страшное украшение, но чешуйчатая рука существа сомкнулась на её запястье с мёртвой хваткой капкана. Когти больно впились в кожу.

Страшные глаза приблизились вплотную. В них не осталось ни капли человеческого. Тогда Алина поняла самую страшную истину: перед ней был не дедушка, а воплощение древнего, как этот мир, зла. Оно лишь надело образ дорогого ей человека как маску, чтобы заманить во тьму. Существо запрокинуло размытую голову и засмеялось.

В этом демоническом смехе звучали триумф и безжалостная жестокость. Он был настолько мощным, что пещера не выдержала — своды зловеще затрещали. Ужасающий, оглушительный грохот разорвал подземелье — гора пришла в движение.

Земля под ногами содрогнулась, дав глубокую трещину. Скользкий камень начал крошиться. Существо резко разжало когти и шагнуло назад, растворяясь в падающей породе, но его издевательский смех продолжал звучать отовсюду.

— Тише, Алина, тише... Это я, Антон. Ты в поезде, — мягкий, но уверенный голос Макарова привёл её в чувства. Хватая ртом спёртый воздух вагона, Алина была похожа на утопающего. Она с лёгким вскриком распахнула глаза и, увидев перед собой Антона, заплакала.

— Прости, — прохрипела она, судорожно вытирая слёзы тыльной стороной ладони. — Снова дурной сон...

Недовольные и полусонные пассажиры заворочались на своих местах. Грузный мужчина с верхней полки напротив свесил лохматую голову и буркнул сиплым голосом:

— Ну что за цирк посреди ночи... Люди спят, между прочим.

Женщина с нижней боковой, укутанная в темно-синее одеяло, приподнялась на локте и сочувственно покачала головой:

— Бедное дитя... Дайте же ей скорее воды!

Антон уже протягивал ей бутылку с прохладным чаем.

— Попей... Ромашка успокоит тебя.

Его широкоскулое, загорелое лицо с характерной трёхдневной щетиной и внимательными серыми глазами было совсем близко. Он присел на корточки рядом с её полкой и держал девушку за плечи, крепко, но осторожно, как держат что-то хрупкое и очень ценное.

— Дыши. Медленно. Вдох — на четыре счёта. Выдох — на шесть. Давай вместе.

Алина судорожно вцепилась в его руку. По щекам текли горячие слезы, но она не издавала ни звука — только дрожала всем телом, мелко и часто. Постепенно дыхание выровнялось. Она медленно возвращалась в реальность: храп, запах железа, покачивание вагона, тусклый свет дежурного плафона.

— И давно ты так плохо спишь?

— Три ночи, — растирая глаза, ответила Алина.

Он покачал головой.

— Я видел, как ты смотришь в тетрадь. Что там, кстати?

Алина инстинктивно прикрыла тетрадь ладонью, словно защищая её от чужих глаз.

— Это... записи деда. По ним я составила маршрут.

Антон помолчал, разглядывая её лицо в тусклом свете вагонного коридора.

— Ты знаешь, — сказал он наконец, — иногда я думаю, что ты ищешь не пещеру.

— А что же?

— Что-то другое. Но я не могу понять, что именно. — Он поднялся, потянувшись. — Слушай, я пойду к себе. Если что — ты знаешь, где меня найти. Доброй ночи.

Он ушёл, оставив её наедине с вагонным гулом и гудками вдали. Алина посмотрела на свою руку. След от кольца пульсировал тупой, ноющей болью.

* * *

Антон не спал. Он лежал на верхней полке, глядя в потолок плацкартного вагона, и слушал, как Алина ворочается внизу. Она не догадывалась, что он многое слышит и замечает.

Он закрыл глаза и вспомнил, как три года назад они сидели в новосибирском кафе после защиты его кандидатской. Алина тогда впервые назвала его «другом». Не «коллегой» — «другом». Он чуть не заплакал от счастья, но сдержался. Выпил лишнего, потом врал, что устал. А на самом деле просто боялся спугнуть.

— Ты просто боишься, — сказал он себе в темноту. — Боишься признаться, потому что она откажет. И тогда ты потеряешь даже то, что имеешь».

— Я же хороший, — прошептал он одними губами. — Почему этого мало?

«Друг».

Не «любимый». Не «семья». Просто — друг.

Глава 3. Тойон

Тойон сидел на крыльце, прислонившись спиной к резному столбу, и смотрел на дорогу, по которой должна была приехать сестра. Он не спал вторые сутки. В руке дымилась папироса — он не курил уже лет пять, но сегодня достал старую пачку, забытую в сених, и затягивался раз за разом, чувствуя, как дым пробивает застоявшуюся в груди тяжесть.

Чингиз, белый алабай, лежал у его ног и иногда поднимал голову, когда по грунтовке проезжала редкая машина. Но каждый раз это были чужие. Тойон уже перестал вздрагивать.

За его спиной, в доме, умирала бабушка Кана.

Фельдшер из соседнего села приезжал дважды, ставил капельницы, качал головой и уезжал, оставляя на столе ампулы и порошки, которые Тойон аккуратно складывал в бабушкин комод. Он не был уверен в их чудодейственных свойствах.

— Ты должен быть сильным, — сказал он себе, когда бабушка упала во второй раз.

Он не плакал. Он пытался дозвониться до Алины, но гудки не проходили. Потом побежал к соседям — телефон «сдох», зарядку не нашёл. Потом вернулся, услышал, как фельдшер говорит: «Инсульт. Обширный», и почувствовал, как земля уходит из-под ног.

Но он сумел выстоять.

Бабушка Кана называла его «аргыс» — кормилец. Соседи — «хозяином». Алина — просто «братом», но в этом слове было столько доверия, что Тойон иногда боялся его не оправдать.

Она была младше на двенадцать лет. Когда её привезли из роддома — крошечный, сморщенный комочек с рыжим пушком на голове, — Тойон долго смотрел на неё и не понимал, что делать. Он боялся брать её на руки — казалось, что сломает. А потом она вцепилась ему в палец своей крошечной ручкой и не отпустила.

— Ну, здравствуй, сестрёнка, — сказал он тихим голосом. — Я тебя не никогда брошу. И не бросил.

Ему было тридцать семь. Крупный, широкоплечий, с обветренным лицом и вечными мозолями на ладонях — от работы, от ружей, от вожжей. Он родился в этом аале, отслужил в армии, а потом вернулся. Он мог бы уехать, но кто бы помогал деду, когда тот не исчез? Кто присматривал за бабушкой? За Алиной, которая так рано осталась без родителей?

В один день он вернулся со школы и увидел бабушку на пороге дома — заплаканную, с чёрным платком на голове.

— Твой отец разбился. Не успел привезти Алине коляску, — сказала она, смахивая скучную слезу.

Тойон тогда не заплакал. Он пошёл в гараж, взял кувалду и разнёс старый мотоцикл отца в щепки. А потом сел на крыльцо и просидел так до утра, глядя на горы, в которых скоро исчезнет дед.

Как старший брат он учил её кататься на лошади, чинил ей велосипед, когда она врезалась в плетень, выслушивал её рассказы о школе, об университете, о Новосибирске, куда она уехала поступать.

Он тогда сам отвёз её на вокзал. Молча стоял на перроне и смотрел на уходящий поезд. Внутри сжималось сердце. А потом сел в свой «УАЗ Патриот», доехал до первого же кафе, долго смотрел в одну точку, не замечая, что официантка уже трижды переспрашивает, нужен ли сахар к чаю.

Он не хотел её отпускать. Но понимал, что должен.

Дед Сергей говорил: «У неё настоящий талант. Она будет замечательным геологом».

Тойон не спорил. Он просто делал так, чтобы у неё было тепло в доме, еда на столе и брат, который всегда ответит на звонок.

Сейчас он сидел на крыльце и ждал этого звонка.

Телефон молчал.

А потом из-за поворота вынырнуло такси — старая «Тойота» с помятым крылом, и из неё вышла Алина. Она была бледнее обычного.

Глава 4. Возвращение в Хакасию

Солнце медленно поднималось из-за пологих холмов, окрашивая небо в слоистые тона — от бледно-лимонного у горизонта до густого сиреневого в зените. Степь просыпалась неспешно: туман, похожий на молочное озеро, стелился по низинам, окутывая древние курганы, которые казались спящими великанами.

Ветер дул порывами, но не холодными, донося запах горьковатой полыни, душицы. Где-то далеко, у синей ленты Абакана, блестела роса на высокой траве, и над ней кружили жаворонки, чьи трели казались единственными звуками в этом безмолвном просторе.

Поезд отстал от графика на три часа. Внезапно что-то произошло с путями в районе Ачинска, потом — ремонтные работы под Абаканом. Алина нервно считала минуты, глядя в телефон. Бабушка не отвечала на звонки с самого утра. Тойон — тоже молчал, хотя обычно слал хотя бы короткое сообщение.

Девушка спустилась по железным ступенькам вагона, поставила тяжёлый рюкзак на растрескавшийся асфальт и замерла. Воздух ударил в лицо — резкий, пьянящий, непохожий ни на что. Она забыла, каким бывает этот воздух. «Я дома», — пронеслось в голове, но мысли о бабушке и брате очень тревожили её.

— Алина? — Антон спрыгнул следом, перекинув через плечо свою сумку. Шурился, вглядываясь в её лицо. — Дозвонилась?

Она покачала головой. Пальцы снова набрали номер бабушки — длинные гудки, пустые, как крик в колодез. Молчал даже автоответчик.

— Что-то не так, — сказала она, испытывая тревожное ощущение.

— Нам нужна машина. Я чувствую что-то неладное...

На привокзальной площади стояли три такси. Алина подошла к первому — старая «Тойота» с помятым крылом и наклейкой «Такси Хакасия» на лобовом стекле. За рулём сидел пожилой мужчина в кепке, слушал радио — какой-то местный канал с хакасской музыкой.

— До Сапогова, — сказала она — Пожалуйста, побыстрее.

Дорога заняла полтора часа. За Аскизом водитель свернул на грунтовку, и машина запрыгала по ухабам, как телега. Алина набирала номер — снова тишина и гудки..

— Может, просто связь, — сказал Антон осторожно. — Здесь же горы. Мёртвые зоны.

— Может, — ответила Алина и сама не поверила.

Аал открылся за последним увалом — долина, зажата между двумя пологими хребтами в лиственничном меху. Ручей, петляющий по дну серебряной ниткой. Полтора десятка дворов вдоль воды. Бревенчатые дома, поленницы, покосившиеся заборы, собаки.

Но что-то было не так.

— Здесь, — сказала Алина водителю. — Остановите.

Машина встала у обочины. Девушка выскочила, не дожидаясь, пока Антон достанет рюкзаки, и побежала.

Двор бабушки она узнала по лиственнице — огромной, старой, с искривлённым стволом, которую дед когда-то обнимал двумя руками. Забор — новый, из ровных досок, подогнанных с аккуратностью, выдававшей руку Тойона. Дом — приземистый, вросший в землю, с тёмно-зелёными наличниками. Рядом — пристройка, навес, запылённый «УАЗ Патриот».

Она побежала внутрь.

Глава 5. Тайна бабушки Каны

Ситцевая занавеска с выцветшими макаками зашуршала, когда Алина входила в спальню бабушки Каны.

Комната была маленькой: кровать, комод, табурет, окно с геранью на подоконнике. Она лежала на высокой железной кровати с никелированными шарами на спинке, укрытая лоскутным одеялом — тем самым, сшитым из старых юбок и рубаш, которое Алина помнила с самого

детства. Бабушка всегда казалась несокрушимой женщиной — маленькой, словно отлитой из металла. Той, что пережила всё и ни разу не согнулась.

Сейчас она выглядела беззащитной. Левая рука была неподвижна, пальцы вывернуты, открытый правый глаз — тёмный, как колодец без дна.

— Инем¹... — Алина опустила на колени у кровати. Слёзы хлынули мгновенно — горячие, беззвучные. Она прижалась щекой к бабушкиной холодной руке.

Пальцы Каны слабо шевельнулись. Коснулись волос внучки.

— Хызыча... — ²слова выходили размытыми, рот ее не слушался.

— Я приехала, — всхлипнула Алина, целуя сухие, шершавые пальцы. — Прости, что так долго, родная, прости...

Кана закашлялась — сухо, страшно, всем телом, которое уже не слушалось. Алина увидела, как на виске вздулась синяя жилка. Когда кашель утих, бабушка попыталась приподняться, но только бессильно упала на подушку.

— Слушай... — выдохнула она. Один слог — и пауза, чтобы перевести дыхание. — Тетрадь... Это... ключ.

— Что, инем? — Алина наклонилась ниже, почти касаясь губами бабушкиного уха.

— Не просто... записи... — Кана сглотнула, и в горле у неё что-то булькнуло. — Ключ... к горе.

Алина почувствовала, как холод пробежал по спине. Она хотела спросить — что за ключ, куда он ведёт, — но бабушка вдруг замерла. Её единственный зрячий глаз расширился, сфокусировался на чём-то за спиной Алины.

— Инем? — позвала Алина, и сердце её пропустило удар.

Кана моргнула. И ее взгляде резко что-то изменилось — зрачок сузился, стал острым, живым. На миг девушке показалось, что перед ней не умирающая старушка, а та самая Кана, которая когда-то голыми руками вытащила ягнёнку из ледяной реки.

— Времени мало, — сказала бабушка. Чётко. Почти ясно. — Ты слушай и не перебивай.

— Но ты...

— Помолчи, хызыча. — Голос дрожал, но в нём была сила. — Это последний мой разговор. Духи дали мне минуту.

Она перевела дыхание — глубоко, тяжело, как перед прыжком в воду.

— Дедушка... — начала Кана и запнулась, собираясь с мыслями. — Он не просто пропал. Он нашёл... Вход в сердце горы.

— Вход? — выдохнула Алина.

— Но Улуг-Хыз... не отпускает просто так. — Кана сжала руку внучки с неожиданной силой. — Он приходит во снах избранным. Если он уже приходил к тебе — берегись.

Алина кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

— Он выбрал тебя, — прошептала Кана, и единственная слеза скатилась по её щеке, затерялась в морщинах. — Ты в опасности...

— О чем ты говоришь, инем? Кто выбрал?

Кана не ответила, а лишь глухо закашляла.

— Что же мне делать? — Алина почти кричала, но голос срывался. — Я не могу бросить всё, бабушка. Я должна найти деда...

— Поздно, — Кана мотнула головой — едва заметно, но с отчаянием. — Его уже не вернуть. Но ты... ты можешь не повторить его путь.

— Как?

¹ Бабушка (хак).

² Девочка (хак).

Бабушка замолчала. Её дыхание стало прерывистым, грудь поднималась и опускалась с трудом, будто каждый вдох давался через боль. Глаз затуманился, начал терять фокус.

— Инем! — Алина схватила её за плечи, легонько встряхнула. — Не уходи! Пожалуйста!

Кана вздрогнула. На миг её взгляд прояснился снова — последний раз, как свеча перед тем, как догореть.

— Нужен проводник, — выдохнула она. — Тот, кто говорит с ветром... и камнем...

— Кто? Инем, кто?

Губы Каны беззвучно шевелились, словно она собирала остатки сил в кулак. Алина наклонилась ниже, чувствуя запах приближающейся смерти.

— Сесен-оол, — прошептала бабушка. — Найди его... Он был там... с дедом... в ту ночь...

Алина замерла.

— Он отказался... идти дальше. Испугался. — Кана судорожно вдохнула. — Только он... помнит, где вход... Карты врут... Гора меняется...

— Инем, я не понимаю...

— Передай ему... — Кана вдруг вцепилась в руку внучки с нечеловеческой силой. Её пальцы, сухие и жёсткие, сжались как капкан. — Скажи: «Птица вернулась в гнездо». Он поймёт.

— Запомнила, — всхлипнула Алина. — Птица вернулась в гнездо.

Кана ослабила хватку. Её голова откинулась на подушку, глаз закатился, а рот приоткрылся в последнем невысказанном слове.

— Обещай... — прошептала она уже не губами — одними выдохами. — Не ходи... в гору... без него... Кольцо... это метка... ведёт в ловушку...

— Обещаю, — выдохнула Алина, чувствуя, как немеют её пальцы. — Клянусь, инем.

— Я люблю тебя, хызыча... — Голос Каны стал тише шороха листьев. — Люблю...

Её глаз закрылся. Грудь поднялась в последний раз — и замерла.

Алина упала на пол, уткнувшись мокрым от слёз лицом в старый вязаный половик у кровати. В этот день она осиротела окончательно...

В тишине раздавались гулкие шаги Тойона. Он остановился, глядя на лежащую Алину, на обмякшее тело бабушки. Его широкие плечи опустились. Лицо, ещё секунду назад каменное, начало рассыпаться.

— Инем... — прошептал он, и голос его оборвался, как струна.

Алина подняла голову. Её глаза были красными и опухшими от слёз

— Тойон... она... она сказала мне...

Брат подошёл к кровати. Опустился на колени рядом с Алиной, не глядя на неё, только на бабушку Кану. Он взял её руку, осторожно поцеловал сухие, морщинистые пальцы.

— Что она сказала? — Голос его был глухим, сдавленным.

Алина вытерла слёзы тыльной стороной ладони.

— Она сказала... найти Сесен-оола. Шамана. Он был с дедом в ту ночь.

— Сесен-оол? — настороженно спросил брат. — Почему?

— Она сказала, что дед нашёл... нечто. И это нечто теперь... на мне. — Алина протянула ему правую руку. — Смотри.

Тойон, всё ещё не отрывая взгляда от бабушки, взял её руку. Он лишь сжал её, медленно провёл указательным пальцем по линии спирали.

— Мне нужно к шаману. Она велела его найти!

Антон, до этого стоявший в растерянности, опустился рядом с Алиной, пытаясь взглянуть ей в глаза.

— Алина, подожди. Твоя бабушка только что... Ты в шоке. Шаман? Может, нам нужно остыть, подумать?

— Нам нужно к Сесен-оолу, — отрезала Алина.

— Мы не можем поехать сейчас, — сказал Тойон, его голос был неожиданно мягким, но непреклонным. — Наша бабушка, ушла. Мы должны проводить её с честью, потому что есть правила, которые нельзя нарушать.

Алина не стала спорить, потому что брат был прав. В этом мире, далёком от её университетских аудиторий, были свои нерушимые законы.

Смерть в деревне — событие публичное. Уже через полчаса дом бабушки Каны наполнился людьми. Соседки и родственницы, причитая, обмывали тело бабушки. Рядом лежали вещи, которые должны были сопровождать ее в долгом пути: походная одежда, сменное белье и запас пищи. Комнату наполнял густой дым артыша — можжевельника — который, как верили хакасы, очищал пространство и помогал душе найти дорогу.

На закате дом покинули самые близкие: Тойон повел их к костру, горевшему на краю аала. С собой он взял белую ленту с рукава ее платья — чаламу. Пламя жадно лизнуло ткань, а Тойон зашептал слова, призывающие духов принять новую душу - тын.

Рано утром процессия двинулась к сельскому кладбищу, расположенному высоко в горах. Гроб из лиственницы везли на телеге. Перед отправлением Тойон трижды обошел ее с деревянной чашей парного молока, отгоняя злых духов. В руках покойной лежала веревка — символ ее хозяйства и залог того, что в ином мире у нее будет все, что она оставила на земле.

Ночь прошла незаметно. Алина почти не спала, время от времени бросая взгляд на свою руку. Спираль казалась ярче, а боль не утихала. Она чувствовала, как внутри неё растёт нечто чужое, зовущее в глубину.

Глава 6. Шаман

Первые лучи солнца коснулись верхушек лиственниц. Тойон, руководивший обрядами, подошёл к ним. Глаза его были красными от бессонницы, но решимости не убавилось.

— Садитесь, — сказал он, указывая на «УАЗ Патриот». — И ещё... — Он достал из кармана сложенный кусок потемневшей ткани. Развернув, Алина увидела старую карту с непонятными символами. В центре был нарисован круг с руническими знаками, а от него расходились линии к Большим Столбам и Улуг-Хыз. Алина положила карту в тетрадь.

— Тетрадь у тебя?

Алина кивнула, прижимая к груди потёртый кожаный переплёт. Антон, сидевший сзади, проводил тетрадь долгим взглядом. В нём шевельнулось что-то — не зависть, нет, скорее глухая тоска. «Она никогда не смотрит на меня так, как на эти старые бумаги», — подумал он и тут же одёрнул себя.

«УАЗ Патриот» ревел, когда они выехали из аала. Тойон сидел за рулём, его лицо было суровым и сосредоточенным. Антон, молчаливый и бледный, вжимался в сиденье. Алина сидела между ними, теребя мешочек с травами и сжимая тетрадь.

Дорога была долгой. Бескрайние степи с ковылём уступили место сосновым лесам, потом — скалистым ущельям с лиственницами. Воздух становился прохладнее.

Спустя четыре часа Тойон остановил машину. Перед ними возвышались Большие Столбы — исполинские гранитные плиты, чьи вершины касались неба. Они стояли как безмолвные стражи древней тайны. Только узкая тропа петляла между камнями и зарослями можжевельника.

— Дальше пешком, — сказал Тойон. — Юрта Сесен-оола где-то там. Он не любит чужих. Идите за мной, ничего не трогайте и не говорите без надобности,—голос его звучал серьёзно. Алина, несмотря на некоторую скептичность, почувствовала страх. Среди древних камней и шёпота ветра, правила цивилизации теряли смысл.

Они двинулись следом. Спираль на пальце жгла сильнее с каждым шагом. Над головой кружили орлы, а тропа становилась круче, теряясь среди камней. Вскоре они увидели дымок над поросшей кустарником расщелиной.

— Он ждёт, — прошептал Тойон.

Из-за огромного валуна, служившего прикрытием для ветхой, но крепкой юрты, вышел старик. Одежда из звериных шкур, на шее амулеты из костей и камней, в руке посох, увенчанный орлиным пером. Лицо изрезано морщинами, как древняя карта, а глаза — мудрые, живые, видевшие что было до и будет после. Он в упор смотрел на Алину.

А затем шаман... чихнул. Громко, раскатисто, на весь каньон. Орлы испуганно забились. Он вытер нос рукавом шубы и заговорил совсем не торжественно, а ворчливо:

— Вечно ты, Тойон, гостей приводишь без предупреждения. А у меня чайник на огне, а к чаю — хоть бы лепёшек испёк. — Он сердито потыкал посохом в землю. — Ладно, проходите. Только обувь не снимайте — пол холодный, а я мыть не буду.

Алина растерянно переглянулась с Антоном, а Тойон лишь усмехнулся.

В центре тесноватой, но уютной юрты дымил очаг, а по стенам висели пучки трав. В углу сиротливо стояла старая гитара, на стеллаже стояла копилка в виде лягушки, потрёпанный хакасско-русский словарь и полупустая коробка конфет «Мишка на Севере».

Сесен-оол жестом пригласил садиться на шкуры, сам опустился напротив и долго разглядывал Алину. Затем подмигнул:

— «Птица вернулась в гнездо». Я ждал. И она ждала. — Он кивнул на посох.

Тут он резко встал, вытащил из-под шкур заварочный чайник с отбитым носиком и налил в пиалы тёмную, пахнущую травами жидкость. Протянул Алине и строго спросил:

— У тебя аллергии нет? А то прошлый раз одному городскому стало плохо.

— Нет, вроде...

— Пей давай. В целом обыкновенный чай, но с маленьким сюрпризом.

Чай оказался горьковатым, с привкусом дыма и мёда. Тепло разлилось по телу, успокаивая дрожь.

— А теперь... — голос шамана стал ниже, серьезнее, хотя в глазах всё ещё плясали озорные искры. — Спрашивайте, пока я добрый.

Алина, собравшись с духом, спросила:

— Вы знали мою бабушку? И деда Сергея?

Сесен-оол замолчал, погладил посох.

— Знал. Кана... она была не просто травницей. Она была пүгү — той, кто помнил слова, которые забыли живые. — Он отхлебнул из пиалы. — Мы с ней в молодости спорили. Она говорила: «Ты слишком громко бубнишь, духов распугиваешь». А я ей: «А ты слишком тихо шепчешь, они тебя не слышат». И смеялись. Она могла рассердиться так, что три дня не разговаривала. Но была честной, сильной.

Алина хотела спросить, что значит «пүгү», но Сесен-оол вдруг замолчал, глядя на её правую руку — туда, где под кожей пульсировала спираль.

— Эта метка... — начал он и осекся. Покачал головой. — Нет, не сейчас. Всему своё время.

— Что вы хотели сказать? — спросила Алина, но шаман только отмахнулся.

— Потом, хызыча. Потом. Когда гора сама расскажет.

Алина посмотрела на мерцающую спираль.

— Бабушка не рассказывала...

— Не успела, — жёстко сказал Сесен-оол. — Или не хотела пугать. Она знала, что ты придёшь не по своей воле. Камень позвал тебя?

Алина молча кивнула.

— Твой дед был не глупцом, — заговорил шаман, и голос его звучал ровно, как падающие камни. — Но он ошибся. Больше десяти лет назад он уговорил меня показать ему скрытый разлом в Улуг-Хыз. Я довёл до Врат, но дальше не пошёл. Я слышал, как гора дышит. А он шагнул в её пасть и разбудил то, что спало веками.

— Это все, что от него осталось... — Алина достала потёртую тетрадь в кожаном переплёте.

Сесен-оол замер. Протянул руку, но не взял — лишь коснулся обложки кончиками пальцев, как слепой.

— Дай-ка сюда, — его голос стал тише. — Давно не видел.

Он бережно взял тетрадь, поднёс к очагу. Дрожащими пальцами перелистнул страницы, задержался на рисунке спирали, на схеме Столбов.

— Смотри, — ткнул в символ. — Кружок с точкой — «здесь дух говорит». Три чёрточки — «опасно, не ходи». Он боялся, что кто-то найдёт записи и пойдёт по ним. Шифровал.

Шаман закрыл тетрадь, протянул обратно, но прежде поднёс к дыму очага и трижды провёл ладонью снизу вверх.

— Береги её.

Внезапно пухлые пальцы шамана сомкнулись на запястье Алины. Жгучая боль от спирали пронзила руку до плеча, но старик не отпускал. Он закрыл глаза, и его губы зашевелились, беззвучно произнося слова на гортанном наречии.

Антон дёрнулся, но Тойон перехватил его поперёк груди:

— Стой! Не смей...

Сесен-оол резко отпустил руку девушки и, опираясь на посох, тяжело опустился на шкуру у очага. Бросил в угли горсть сухих трав. Вспыхнуло синеватое пламя, густой сладковатый дым закрутился к дымовому отверстию.

— Мой дед искал новые минералы, — тихо сказала Алина.

Старик издал звук, похожий на вороний клёкот.

— Люди всегда ищут блестящие камни, не понимая, чьей кровью они политы. Но твоя наука здесь слепа.

Потом старик стал вглядывался в лицо Антона и буркнул:

— А в тебе, железная башка, пустота. Не злая, нет. Обиженная. Как в пересохшем колодце: только эхо собственных обид. — Он ткнул посохом в сторону Антона. — Ты не в гору идёшь, ты бежишь от себя — но только в пасть к тому, кто пообещает тебя изменить.

Антон хотел возразить, но вдруг почувствовал — за его спиной, у самого входа в юрту, стоит кто-то третий. Невидимый. И шепчет:

— Он просто старый дурак, Антон. Он не видит твоей силы. А я вижу. Ты достоин большего.

Антон обернулся — никого. Только полог колышется.

* * *

Ночью Антон не спал.

Он лежал на шкуре в юрте для гостей, глядя в дымовое отверстие, и слушал, как Тойон мерно дышит рядом. Усталость не брала его — вместо неё пришёл странный, тягучий холод.

Он прокручивал в голове день за днём. Последние три года. Нет — дольше. С самой аспирантуры..

— Я тащил её на себе, — подумал он, и мысль эта была горькой, но знакомой, как зубная боль, к которой привыкаешь.

Он вспомнил, как помогал Алине с первой полевой работой — собрал оборудование, нашёл финансирование, уболтал научного руководителя. Как она получила грант — а в благодарность поставила его в соавторы второй статьи, не первой. Как он молчал, потому что «ей нужнее». Как она познакомилась с нужными людьми на конференции — а он сидел в баре один.

Он просто... уставал быть вторым. Умным, но не гениальным. Надёжным, но не героем. А потом появился этот грант, горы, этот старый шаман, который смотрел на него как на пустое место.

— Ты железная башка, — сказал ему Сесен-оол. — Дурные руки. Глухой.

И Алина молчала. Не заступилась. Только смотрела на того — на Хранителя с изумрудными глазами — и улыбалась так, как никогда не улыбалась ему.

— А ведь я был рядом три года, — подумал Антон с внезапной, острой тоской. — Три года.

Он сел на шкуре, обхватив колени. В темноте юрты, где пахло дымом и шерстью, его собственное дыхание казалось чужим.

— Я не хочу ей зла, — прошептал он в пустоту. — Я просто хочу... чтобы она меня заметила.

И тогда пришёл шёпот.

Сначала — едва слышный, как дуновение ветра.

«Они смеются над тобой, Антон».

Он вздрогнул, но не открыл глаз. Голос был низким, вкрадчивым в нём звучало понимание. Словно его владелец видел тысячи таких же забытых и отодвинутых в тень, как Антон.

«Тот старый шаман — он видит тебя насквозь. «Железная башка», «дурные руки». А Алина? Она даже не заступилась. Она смотрит на тебя как на обузу. Как на выючного коня, который довезёт до пещеры и сдохнет там»

Он сжал кулаки. Обида, которую он годами заливал кофе и работой, вдруг обрела голос — этот самый, сладкий и ядовитый.

Шёпот тихо засмеялся.

Он открыл глаза — в их уголках на миг вспыхнули искры — и тут же погасли.

Глава 7. Два брата

Дым в юрте сгустился, будто кто-то невидимый задернул полог между мирами. Алина смотрела в синеватые извивы — и ей почудилось: там, в дрожи горячего воздуха, переплелись два огромных чешуйчатых тела. Одно горело золотом, другое — зеленью весенней травы.

— Долго они жили в мире, — голос Сесен-оола стал ниже, будто шёл не из горла, а из-под земли. — Но пришли другие. С блестящими глазами и железными молотками. Они искали то, что нельзя найти, не разорвав чужое сердце.

Алина вздрогнула. Ей стало не по себе.

— Одного из братьев тьма нашла первой, — продолжал шаман, и его пальцы замерли над амулетом. — Она обещала ему силу, справедливость. Возвращение того, что отняли. Он согласился — и забыл, зачем вообще родился на свет. Теперь его сны стали чужими кошмарами. А его глаза... — старик замолчал, глядя на Алину так, будто видел сквозь неё нечто иное.

— Цвета расплавленного золота, — прошептала Алина.

Сесен-оол кивнул и бросил в огонь щепотку сухой травы. Пламя на миг стало зелёным.

— Чтобы мир не рухнул, их отец - Улуг-Чилан запечатал безумного сына там, где даже вода не течёт. В кокон из чёрного обсидиана. А младший... младший остался сторожить. Он не спит. Не стареет. Иногда ходит среди нас..И поёт так, что ярость брата на время затихает.

Алина вспомнила ночной перрон в Абакане. Высокую тень под фонарём. Её руки произвольно сжали тетрадь.

— Мой дед... он нашёл то место? — спросила она.

Шаман не ответил прямо. Он только повёл рукой над картой, и линии на ней зашевелились, складываясь в спираль — такую же, как под кожей на пальце.

— Тот, кто спит, умеет шептать сквозь трещины, — сказал Сесен-оол. — Он не может выбраться сам. Но он может позвать того, кто придёт с ключом. Или с кровью, которая уже однажды была здесь. Твоя бабушка... она знала. Потому и отправила вас ко мне.

— Простите, — не выдержал Антон, — вы хотите сказать, что древнее зло оформило грант в Новосибирске?

Сесен-оол даже не повернул голову. Он слегка коснулся посохом земли. В тот же миг тяжёлый чугунный казан у очага с глухим звоном треснул пополам — будто его рассекла невидимая рука. Антон отшатнулся, побледнев.

— Твой друг глух, — спокойно сказал шаман Алине. — Но ты слышишь. Это все из-за метки..

— Как мне это снять? — Алина показала пульсирующую спираль. — Как вернуть деда?

— Найти младшего брата. Только он знает, что делать дальше. Но гора полна иллюзий. Старший будет морочить вас, принимать чужие лица, шептать то, чего вы боитесь больше всего.

Тойон поднялся, оправил рубаху.

— Я пойду.

— Пойдёшь, — кивнул шаман. — А вот он... — он указал на Антона, — пусть решит сам. Гора не терпит тех, кто в неё не верит. Иногда неверие хуже предательства.

Алина прижала тетрадь к груди.

— Когда?

Сесен-оол подошёл к выходу, откинул полог. Слепящий свет хлынул внутрь, и на миг Алине показалось, что за порогом не степь, а огромная пасть, высланная травой.

— Сегодня ночью. Когда луна спрячется. Я дам вам обереги — но они помогут только тем, кто сам хочет вернуться. И помни, Алина: если в темноте увидишь золотые глаза — не верь ни слову. Ищи глаза цвета весенней травы. Ищи того, кто поёт.

Он отвернулся к очагу, и лицо его вдруг стало серьёзным:

— Всё, хватит тайн на сегодня. А то голова кругом пойдёт. Бери конфеты, — он кивнул на коробку. — Силы пригодятся.

Алина взяла конфету, но не съела — сжала в кулаке.

— Уже за полночь, — зевнул Сесен-оол. — А я старый человек, мне спать надо.

Она вышла наружу, и сухой ветер ударил в лицо. За пологом, высоко над Большими Столбами, крикнул орёл.

Глава 8. Владыка и травница

Аал Сапогов, лето 1977 года

Кане было семнадцать, когда она впервые увидела Улуг-Чилана.

В тот день она переходила реку вброд — несла на коромысле два тяжёлых ведра, и вода была ледяной даже для середины июля. На противоположном берегу, у старого кедра, стоял незнакомец. Высокий, широкоплечий, с волосами чёрными, как смола, и глазами тёмно-синими, похожими на ночное небо.

Он внимательно смотрел на девушку, но взгляд был спокойным. Кана смутилась, но не подала виду.

— Ты кто? — спросила она, поставив ведра на песок. Голос не дрогнул, хотя сердце колотилось где-то в горле.

Незнакомец медленно улыбнулся.

— Я тот, кто был здесь задолго до твоих прабабок, — ответил он. Голос его звучал, мягко, но твердо. — И останусь, когда от ваших домов не останется даже праха.

Кана не испугалась. Она росла с бабушкой-травницей, и знала, что мир не исчерпывается стенами избы и околицей аала.

— Ты — Улуг-Чилан — владыка подземных вод. Мой дед говорил, что ты спишь под горой.

— Иногда я просыпаюсь, — ответил он. — Когда на свет появляется человек, способный меня увидеть.

Она хотела спросить — что за человек, почему именно она, — но вместо этого вдруг сказала:

— Хочешь пить?

И протянула ему ковш.

Улуг-Чилан не сразу взял его. В его глазах читалось не то удивление, не то уязвленное самолюбие: смертная так просто предложила воду одному из древних духов. Он отпил и когда вернул ковш, коснулся её пальцев.

Кана отпрянула.

— Ты боишься меня? — поинтересовался мужчина.

— Зачем бояться того, кто старше этой реки? — ответила девушка.

Он рассмеялся — тихо, раскатисто, как гул в глубине ущелья. И в этом смехе не было насмешки, только искреннее удивление.

— Ты необычная, Кана.

— Я просто травница, — пожалала она плечами. — И мне пора домой, пока вода не прогрелась до кипятка.

Она подхватила коромысло и пошла, не оглядываясь. Но чувствовала его взгляд на спине.

После той встречи Улуг-Чилан стал приходить часто.

Он не появлялся в аале — знал, что люди боятся его, даже не узнавая. Но люди есть люди — они начали шептаться. «Кана ходит к нечистому», «Кана потеряла стыд», «От неё пахнет сыростью». Кана не обращала внимания на злые языки, а молча шла к Улуг-Чилану.

Они сидели на берегу реки, пока солнце садилось за Улуг-Хыз, и говорили. Кана рассказывала о своей жизни — о брате, который утонул в Енисее, о матери, которая сохла от чахотки, об отце, который пил и бил, Улуг-Чилан слушал молча, иногда задавал вопросы.

Она спрашивала его — о том, что под землёй, о пещерах, о змеях. Он отвечал уклончиво, но иногда в его глазах вспыхивало что-то тёплое, почти человеческое, и он говорил правду.

— В самом сердце горы, в обсидиановом коконе спит мой старший сын — сказал он однажды. — Он очень злой и несчастный.

— Почему злой?

— Потому что люди убили его мать. Мою жену.

Кана замолчала. Потом, неожиданно для себя, взяла его за руку. Ладонь у него была горячей, шершавой, как кора старого дуба.

— Мне жаль их — просто ответила девушка.

— Мне тоже, — ответил он.

В ту осень он подарил ей метку.

Он просто коснулся её правой руки, и под кожей проступила тонкая, серебристая спираль. Она не болела, не жгла, только чуть теплела, когда он был рядом.

— Это знак, — сказал он. — Ты всегда сможешь позвать меня, даже если будешь далеко. И я приду.

— Зачем мне тебя звать? — спросила Кана, хотя уже знала ответ.

— Затем, что я не могу остаться с тобой навсегда. Моё место — под горой. А твоё — здесь, среди людей, которые будут стареть и умирать. Я не хочу, чтобы ты забыла меня.

— Я не забуду, — сказала она.

И это было правдой. Метка осталась с ней на всю жизнь — напоминанием о существовании, которое любило её так, как не умеют любить люди. Просто — любовью, которая не требует ничего взамен.

Весной в Сапогов приехал Сергей.

Молодой геолог из Новосибирска, широкоплечий, с вечно взлохмаченными русыми волосами и смешливыми глазами. Он появился на пороге дома Каны с рюкзаком за спиной и картой в руках.

— Здравствуйте, я ищу проводника в Улуг-Хыз. Сказали, вы знаете эти горы.

Кана хотела отказать — у неё были другие планы, вечером ждал Улуг-Чилан. Но когда Сергей тепло и открыто улыбнулся ей, то она растерялась.

— Ладно, — сказала она. — Покажу. Только далеко не пойдём.

Кана вышла замуж за Сергея летом следующего года.

Свадьба была скромной — пили кумыс³, пекли лепёшки, сосед играл на хомысе. Улуг-Чилан не показывался. Но в ту ночь, когда Кана и Сергей впервые остались вдвоём в новой горнице, на пороге дома кто-то оставил подарок: нефритовый гребень, серьги с бирюзой и шкатулку, внутри которой всё ещё журчал родник.

Кана заплакала. Сергей обнял её, ничего не спрашивая.

Она спрятала подарки на дно сундука, под материнские платки. И никогда не рассказывала внукам, откуда они взялись.

Глава 9. Решение

Аал Сапогов, осень 2008 г.

Сергей ходил по дому как заведённый. Почти не спал, забывал есть, а когда говорил — в голосе звучал лихорадочный звон.

— Я нашёл это в старых рукописях. Под Улуг-Хыз — целая система! Не просто пустоты. Возможно, то, о чём говорят ваши легенды.

Кана отложила вязанье.

— Сергей, не надо. Ты сам не знаешь, что ищешь

— Я ищу правду. Ты же знаешь, я никогда не смеялся над вашими преданиями.

— Ты ищешь славы, — глухо сказала она. — А гора не терпит тех, кто ищет только славу. Улуг-Чилан спрятал там нечто. Если потревожить — оно не выпустит.

Сергей обнял её за плечи.

— Я возьму Сесен-оола. Он знает гору лучше любого проводника.

Кана покачала головой, но ничего не сказала. Только позже вышла на крыльцо и долго смотрела на тёмный хребет Улуг-Хыз. Золотые лучи солнца коснулись вершин, и на миг гора показалась ей гигантским змеем, свернувшимся кольцами.

Она перекрестилась и прошептала по-хакасски:

— Улуг-Чилан, не бери его. Он не со злом. Он просто... слепой

* * *

Сесен-оол встретил Сергея хмуро.

— Знаю, зачем пришёл. Кана уже просила отговорить тебя.

³ Кисломолочный напиток с содержанием алкоголя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.